

Тао Цю знал, что Зелёная змея, восстановив силы, уйдёт, поэтому не стал уделять ей особого внимания. Сейчас всё его существо было поглощено заботой о трёх птенцах.

— Цю! Цю!

Птенцы, стоявшие у самого края пещеры, завидев отца, позабыли о крутом склоне и с громкими криками бросились к нему. Даже всегда сдержанный старший сын превратился в маленького плаксу и, всхлипывая, прижался к нему, словно никому не нужный, несчастный комочек.

Тао Цю заключил бросившихся к нему детей в объятия и, низко склонившись, принялся осыпать их поцелуями.

— Мои сокровища, не бойтесь, папа вернулся.

— Цю-цю... цю-цю...

— Папа... у-у-у, папа...

Наконец-то дав волю чувствам, птенцы разрыдались ещё горше. Они собственными глазами видели яростную атаку Зелёной змеи, когда пыль и камни летели во все стороны, а скалы трескались от ударов. Страшно было даже представить, что случилось бы, ударь змеиный хвост по отцу. В тот миг, когда они заметили внезапное нападение, в головах у них опустело, а сердца заколотились так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнут из груди.

Предупреждающий крик вырвался инстинктивно; они лишь спустя мгновение осознали, что сделали.

Рассказы о битвах будоражили их воображение, вызывая желание самим попробовать свои силы, но, столкнувшись с настоящим смертельным поединком, они ощутили лишь леденящий ужас и запоздалый страх. История — это всего лишь история, а в реальности боль настоящая, кровь настоящая, и смерть — окончательна.

Сегодня отец победил. Но что будет потом? Будет ли он побеждать всегда? И даже если так, он всё равно может получить ранение, ему будет очень, очень больно.

Слёзы ручьями текли из глаз птенцов. Тревога, страх и горечь нахлынули разом, и они, сжавшись в объятиях Тао Цю, дрожали всем телом.

Понимая, что детям нужно выплеснуть эмоции, Тао Цю не стал их утешать. Он отнёс их в

пещеру, уложил в знакомое, родное гнездо и стал ждать, пока они успокоятся. Всё это время он нежно поглаживал их, изо всех сил стараясь создать атмосферу тепла и безопасности.

На этот раз птенцы были напуганы до смерти. По прикидкам Тао Цю, они проплакали почти час, и ещё полчаса ушло на то, чтобы, прижавшись к нему, прийти в себя. Лишь после этого в их маленьких головках начало проясняться.

— Цю...

— Папа.

Голос второго птенца, Сюэсюэ, охрип. Она поднялась и, зарывшись головой в изгиб его шеи, доверчиво потёрлась о него.

Тао Цю похлопал её по спинке и тихо хмыкнул в ответ. Сейчас любые слова были излишни — детям просто нужно было чувствовать, что он рядом. Старший, Тао Мо, и младшая, Тао Юань, тоже тёрлись о его ладони, стремясь пропитаться отцовским запахом и оставить на нём свой.

Тао Цю, словно большая мягкая игрушка, неподвижно позволял детям обнимать и ласкать себя, боясь одним неловким движением потревожить их хрупкое спокойствие.

Наконец, вдоволь насытившись запахом отца, птенцы окончательно расслабились и распластались на его ногах пушистыми блинчиками.

Тао Цю кончиками пальцев помассировал их животики, особенно Сюэсюэ, ведь она незадолго до этого упала. Он осмотрел её — благодаря густому пуху, серьёзных травм не было, но несколько пушинок вытерлось, и, несомненно, ей было больно.

Словно угадав его мысли, Сюэсюэ коснулась его пальца крылышком и тихо прочиркала:

— Папа, уже не больно.

Тао Цю разгладил её взъерошенный пух. Уголки его губ изогнулись в улыбке, но глаза покраснели.

— Да, папа знает. Моя Сюэсюэ очень сильная и храбрая.

— И Мо, и Юаньюань тоже, — добавил он, взглянув на двух других птенцов, с надеждой смотревших на него. Он не скупился на похвалу. — Спасибо, что предупредили меня об опасности. В такой страшный момент вы всё равно бросились ко мне. Вы очень-очень любите меня и вы самые смелые птенчики на свете.

Юань, уставившись на него большими, влажными глазами, робко спросила:

— Цю-цю, цю-цю, цю-цю?

— Мы послушались тебя и выбежали наружу. Ты не сердишься?

Ведь уходя, Тао Цю велел им сидеть в пещере тихо, но они всё равно вышли.

— А вы сами как думаете, вы поступили неправильно? — серьёзно спросил Тао Цю.

Трое птенцов выпрямились. Они переглянулись и хором ответили:

— Цю-цю.

— Да, мы виноваты.

Видя их искреннее раскаяние, Тао Цю смягчился.

— Да, это была ошибка, но не страшная. К тому же, вы сделали это из добрых побуждений. Поэтому нужно сделать выводы, но не винить себя слишком сильно.

Птенцы непонимающе моргнули, и Тао Цю пояснил:

— Вы признали свою вину, и, к счастью, ваша ошибка не привела к ужасным последствиям. Я вас уже отчитал, так что теперь не нужно бояться, что я сержусь, и ходить с унылым видом тоже ни к чему.

Теперь птенцы поняли. Папа не злится и не винит их. Правильно это было или нет, их не слишком волновало — главное, чтобы отец был спокоен.

— Цю-цю, — прочиркала Сюэсюэ, ластясь к нему.

— Я знала, что папа самый лучший.

— Цю-цю, — пообещала Юань.

— Мы будем послушными.

В глазах старшего сына мелькнула тень решимости.

— Цю-цю-цю.

— Мы обязательно станем очень сильными.

Только став сильными, они смогут защитить отца, а не просто кричать, как сегодня.

Лицо Тао Цю расплылось в улыбке.

— Я тоже вас люблю. Ну всё, хватит, вы шумели полночи. Давайте спать, а обо всём остальном поговорим завтра, когда проснёмся.

— Цю, цю-цю, цю-цю! — радостно согласилась Сюэсюэ. — Сон и еда — важнее всего на свете!

Это были слова Тао Цю, которые она запомнила с первого раза.

— Сюэсюэ права, — усмехнулся он.

На самом деле, после такой долгой беготни и суматохи и он, и птенцы были грязными. Особенно Тао Цю — из-за того, что он закидывал змею грязью из гнилой редьки, от него самого теперь исходил этот запах. Но он слишком устал, чтобы идти мыться. Грязно так грязно, за одну ночь ничего страшного не случится.

С этой мыслью он обнял птенцов и собрался лечь, но стоило ему вытянуть ногу, как его пронзила острая боль. Он невольно втянул воздух.

— Цю-цю? — только что успокоившееся сердце Юань снова забило в тревоге. — Папа, что с тобой?

Старший почувствовал, как дрожит правая нога отца. Опустив голову, он увидел, что голень вся посинела и сильно распухла.

— Цю-цю! — вскрикнул он. — Папа, ты ранен!

До этого Тао Цю вёл себя так естественно, что птенцы и не заметили, насколько серьёзно он пострадал.

Сюэсюэ прыгнула с его колен. Увидев, что правая голень отца распухла и стала почти вдвое толще левой, она снова не сдержала слёз.

— Цю... цю-цю...

— У-у-у... папе больно...

Стоило ей заплакать, как и у остальных глаза намокли.

— Меня просто змея задела, — поспешил успокоить их Тао Цю. — Выглядит страшно, но на самом деле ничего серьёзного. Вы же знаете, у меня отличная регенерация, к утру всё пройдёт.

— Цю-цю... цю-цю... — всхлипывала Юань. — Несерьёзно... но всё равно больно...

Старший молча опустил голову, и крупные слёзы закапали на землю.

— Ну, мои сокровища, вы и так плакали всю ночь, хватит уже, а то глазки будут болеть.

Это не помогло, слёзы продолжали течь. Делать нечего, пришлось прибегнуть к актёрскому мастерству.

— Ай, как больно, больно! Чем больше вы плачете, тем сильнее болит нога, что же делать?

Птенцы увидели, как отец схватился за ногу, а его лицо исказилось от боли. Казалось, ему и вправду стало хуже.

— Цю-цю, цю-цю!

— Я не плачу, папа, не надо, чтобы было больно! — первой откликнулась Сюэсюэ, мгновенно сдержав слёзы.

Старший и младшая справились не так быстро, но тоже вскоре утихли.

— Фух, вот вы перестали плакать, и уже не так больно, — с преувеличенным облегчением выдохнул Тао Цю.

Юань, всхлипнув в последний раз, легонько коснулась его ноги.

— Цю, цю-цю.

— Поглажу, ножка, не боли.

— Спасибо, Юаньюань, и правда стало лучше, — с улыбкой ответил Тао Цю.

Услышав это, старший и Сюэсюэ тоже подбежали погладить его. Тао Цю, с мастерством заправского актёра, благодарил каждого.

Наконец-то можно было ложиться спать.

Из-за раны отца птенцы, обычно любившие спать на нём, добровольно вернулись в свои гнёзда. Правда, они придвинули их так близко к Тао Цю, что стоило открыть глаза, и можно было его увидеть. Их не смущал даже неприятный запах. Сейчас, даже если бы он обмазался грязью из гнилой редьки с ног до головы, они бы всё равно не отошли от него.

Вся семья ужасно устала. Не прошло и нескольких минут, как все погрузились в глубокий сон. В пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием.

Проснулись они на следующий день, когда солнце было уже почти в зените. Первым, как обычно, проснулся отец семейства, Тао Цю, разбуженный урчанием в животе.

Он медленно сел. Правая голень почти зажила, лишь при движении ощущалось лёгкое покалывание, но это уже не мешало. Увидев, что птенцы всё ещё спят, он старался двигаться как можно тише, чтобы не разбудить их. После вчерашних слёз им нужно было хорошо отдохнуть.

Тао Цю быстро ополоснулся в пруду, вернулся в пещеру, нарезал мясо и помидоры и только потом разбудил детей.

— Кушать, кушать! Если ещё хочется спать, поедим и снова ляжем.

Он вытащил птенцов из гнёзд.

— Цю-цю-цю! Цю-цю! — зачирикала Сюэсюэ, щурясь. — Глазки стали кислыми ягодками! Не открываются, у-у-у!

У старшего и младшей была та же проблема.

— Это потому, что вы вчера много плакали, — поспешил объяснить Тао Цю. — Глазки устали и хотят ещё отдохнуть. Не заставляйте их открываться, а то будет неприятно.

— Цю-цю, цю-цю, цю-цю-цю, — пожаловалась Юань. — Глазки плачут, а я не хочу плакать. Папа, скажи глазкам, чтобы они не плакали.

Тао Цю вытер физиологические слёзы, выступившие из-за раздражения, и подыграл ей:

— Глазки, глазки, не плачьте, пожалуйста. Если вы будете плакать, моей Юаньюань будет очень неудобно.

Он выдержал паузу и продолжил:

— Сокровище моё, глазки сказали мне, что если ты немного потерпишь и не будешь их открывать, дашь им отдохнуть, то они скоро перестанут плакать.

— Цю-цю, — кивнула Сюэсюэ. — Слушаемся папу.

Тао Цю погладил Юань по голове и повернулся к старшему:

— Мо, ты тоже дай глазкам отдохнуть. Ничего страшного, что вы не видите, папа вас покормит.

Старший согласился и, подняв крылышки, попросился на руки. Тао Цю взял его, подхватил Сюэсюэ и Юань и усадил всех троих пушистых комочка за «стол».

Он по очереди кормил их мясом. Глядя, как они с закрытыми глазами послушно открывают клювики, он вдруг вспомнил время, когда они только вылупились. Круглые пушистые комочки, ничего не понимающие, которые пищали, когда были голодны, и жалобно хныкали, просясь к папе на руки, когда им было холодно или страшно.

— Когда вы только вылупились, — не удержался он от воспоминаний, — вы были точно такими же. Каждый день с закрытыми глазами ждали, когда папа вас покормит. И голод у вас просыпался строго по расписанию, даже посреди ночи. Я тогда так боялся, что от усталости промахнусь и засуну мясо вам на голову.

Он говорил это со смехом, без тени упрёка, просто находя забавным это воспоминание.

Но старший, подумав, всё же спросил:

— Цю, цю-цю-цю?

— Папа, а мы тебе не нравились тогда?

Три беспомощных птенца — наверняка с ними было много хлопот.

— Было немного утомительно, — честно признался Тао Цю, — но я никогда не испытывал к вам неприязни или раздражения. Это как выращивать урожай: процесс требует много сил и

заботы, но когда видишь, как ростки крепнут, и думаешь о будущем урожае, на душе остаётся только радость. Урожай даёт мне пищу и жизнь, а вы — счастье и надежду. Поэтому я очень, очень вас люблю.

— Цю-цю! — обрадовались птенцы. — Мы тоже очень любим папу!

Глядя на своих очаровательных детей, Тао Цю чувствовал, как его сердце наполняется нежностью. Он снова и снова благодарил судьбу за то, что тогда решил высидеть яйца и позволил этим троим появиться на свет. Дети — это не только продолжение жизни, но и надежда для души.

Завтрак прошёл в тёплой и радостной атмосфере, развеяв остатки вчерашней грусти. Когда птенцы наконец смогли открыть глаза и осмотрели ногу отца, в их взглядах уже не было прежнего отчаяния. Они с серьёзным видом принялись изучать, действительно ли всё зажило.

— Цю, — констатировал старший. — Отека нет.

— Цю-цю, цю-цю, — добавила Сюэсюэ. — Синяки прошли, ножка снова белая.

Юань, глядя отцу в глаза, легонько ткнула его в ногу.

— Цю-цю.

— Трогаю — не больно.

Трое птенцов вели себя как опытные врачи, осматривающие пациента после операции — профессионально, тщательно и ответственно, заслуживая нескольких благодарственных грамот. Тао Цю не мешал, с улыбкой наблюдая за их диагностикой.

Наконец, брат и сёстры вынесли вердикт: папа вчера не обманул, нога действительно зажила!

— Цю, цю-цю-цю! — остатки тревоги на мордочке Сюэсюэ сменились безграничным восхищением. — Папа такой сильный! Даже злая большая змея не смогла тебя победить!

— Цю-цю, цю-цю, — подхватила Юань, немного волнуясь. — Папа умеет пользоваться вонючками, а злая большая змея — нет.

— Цю-цю, — заключил старший. — А ещё папа умеет летать.

Птенцы наперебой расхваливали отца, и Тао Цю расцветал от их комплиментов, улыбаясь до ушей. Дело было не только в том, что они говорили правду. Само осознание того, что собственные дети им восхищаются, наполняло его гордостью.

Но, говоря о битве, они невольно вспомнили ужасающий образ Зелёной змеи, крушившей всё на своём пути. Хотя они и считали своего отца самым сильным, нельзя было отрицать, что змея тоже была очень могущественной.

— Цю, цю-цю-цю? — осторожно спросила Сюэсюэ. — Папа, а большая змея ещё вернётся?

— Вернётся, — машинально ответил Тао Цю и, увидев, как расширились от ужаса глаза птенцов, понял, что они испугались. Он поспешил их успокоить: — Но она больше не будет со мной драться. Потому что вчера, с вашей помощью, мы её победили. Заставили её сдаться.

Услышав это, птенцы с облегчением выдохнули. Ну и напугал! Они не хотели, чтобы отец снова дрался с Зелёной змеей и чтобы ему снова было больно.

Старший, вспомнив, как отец, отправив их в пещеру, что-то делал внизу, спросил:

— Цю-цю, цю-цю-цю?

— Папа, если ты её победил, зачем дал ей помидоры?

Сюэ и Юань тоже было любопытно.

— Цю-цю, цю-цю! — добавила Сюэсюэ. — Я видела, целую корзину.

— Цю-цю-цю, — подхватила Юань. — И злую маленькую змею папа тоже отпустил.

Маленькая змея напала на Тао Цю, и в глазах птенцов она была такой же плохой, как и её мать. Их понятия о добре и зле были пока очень просты: кто обижает их или папу — тот плохой, тот враг. Так почему же папа так добр к врагам?

Их недоумение было понятно, и Тао Цю мягко начал объяснять:

— Вы знаете, почему Зелёная змея, рискуя жизнью, пришла, чтобы отнять наш урожай?

— Цю-цю, цю-цю, — первой ответила Сюэсюэ. — Ягодки вкусно пахнут, она захотела их съесть.

— Цю-цю, цю-цю, — ответила Юань, копнув глубже. — От ягодок становится хорошо, большая змея их захотела.

Старший, наблюдая за выражением лица отца и вспоминая вчерашние события, высказал свою догадку:

— Цю-цю.

— Она отбирала их не для себя.

— Вы все правы, — улыбнулся Тао Цю. — Но только если сложить все ваши ответы вместе, получится истина.

Под внимательными взглядами птенцов он продолжил:

— Помните маленькую зелёную змейку, которая пыталась на меня напасть? Она — дочь Зелёной змеи.

— Цю-цю, — сказала Юань. — Они обе зелёные.

— Да, — кивнул Тао Цю. — Зелёная змея сама сказала, что это её единственный выживший ребёнок. Это значит, что у маленькой змейки, возможно, было много братьев и сестёр, но все они умерли.

Птенцы, до этого исполненные праведного гнева, замерли. Они не ожидали такого поворота.

— Та маленькая змейка была очень слабой. Её состояние напоминало то, в каком была Юаньюань, когда только вылупилась. Если бы она не съела ягодку, то долго бы не прожила.

Теперь дальнейшие объяснения были не нужны. Птенцы всё поняли.

— Цю-цю-цю, цю-цю-цю, — проговорил старший. — Сестрёнка съела ягодку и поправилась, значит, и маленькой змейке они могут помочь.

— Цю-цю-цю! — догадалась Сюэсюэ. — Поэтому она и приползла воровать ягодки!

Чувства Юань были самыми смешанными.

— Цю-цю, цю-цю-цю.

— Большая змея отбирала ягодки, чтобы спасти своего ребёнка.

Сказав это, все трое замолчали.

Поскольку их собственный отец был к ним очень добр, они могли понять, почему Зелёная змея была готова рискнуть жизнью ради своего дитя. Поскольку они сами были здоровы и дружны, им стало немного жаль одинокую маленькую змейку. И поскольку они любили своего отца, а он любил их, он решил простить Зелёную змею и её дочь и даже дал им с собой вкусных ягодок.

Когда ты счастлив сам, хочется, чтобы и другие не страдали.

По глазам птенцов было видно, что они серьёзно задумались. Когда они немного пришли в себя, Тао Цю продолжил:

— Я говорю вам это, чтобы вы поняли: не на всё в жизни можно смотреть только с точки зрения «чёрного» и «белого». Прежде чем принять что-то или простить кого-то, нужно не только слушать своё сердце, но и взвешивать все «за» и «против».

Видя, что птенцы задумчиво слушают его, Тао Цю обрадовался.

— Зелёная змея пришла отбирать нашу еду, чтобы спасти своего ребёнка. Это, конечно, неправильно. Мы могли бы убить их или прогнать, ведь они поступили с нами жестоко. Но в этой битве победили мы. Наши потери были приемлемы, и преимущество было на нашей стороне. А значит, у нас было больше вариантов для выбора, и мы могли выбрать лучший. Убивать их бессмысленно — мы бы ничего от этого не получили, а в будущем на наш урожай могли бы позариться другие. Если бы мы их прогнали, Зелёная змея, скорее всего, всё равно вернулась бы, чтобы снова воровать ради своего ребёнка. Так почему бы не использовать то, что у нас есть, чтобы получить взамен то, что нам нужно?

Сделав паузу, он дал птенцам время подумать.

Вскоре Юань заговорила первой:

— Цю-цю, цю-цю-цю.

— Папа дал ей помидоры, чтобы обменять их на что-то, да?

— Цю-цю-цю, цю-цю, цю-цю, цю-цю, — сказал старший. — Вкусные ягодки, от которых становится хорошо, есть только у папы. Ради своего ребёнка, если на папу нападёт кто-то плохой, она, возможно, поможет нам отбиться.

— Цю-цю-цю, цю-цю! — осенило Сюэсюэ. — Большая змея больше не враг, она — друг!

Лицо Тао Цю расплылось в улыбке. Он по очереди потрепал их по головам.

— Вы все правы. Ну надо же, какие у меня умные дети!

— Цю-цю, цю-цю, — прочирикала Юань, ласково ткнувшись в его ладонь. — Это потому, что папа умный.

Тао Цю растаял.

— Юаньюань, что же ты такое съела, что у тебя такие сладкие речи?

— Цю-цю, цю-цю, — ответила Юань. — Ягодки, которые вырастил папа. От них во рту сладко.

— Ах, я вас обожаю! Ну-ка, идите сюда, дайте папе вас расцеловать.

Он притянул их к себе, целуя и зарываясь лицом в их мягкий пух. Нет ничего лучше его собственных детей! Птенцы наперебой отвечали ему тем же. Некоторое время в пещере царил весёлый и гармоничный хаос, который постепенно утих.

Старший, наслаждаясь тем, как отец приводит в порядок его взъерошенный пух, высказал свою мысль:

— Цю-цю-цю.

— Папа хочет обменять у большой змеи ягодки на мясо, да?

Тао Цю говорил, что им нужно делать запасы на зиму. Урожай у них теперь есть, и скоро его можно будет собирать. Осталось только запастись их основной едой — мясом. Без вкусных ягодок можно прожить, а вот без мяса — нет. Они с отцом ели очень много, одними ягодами сыт не будешь. Если кто-то другой сможет решить эту проблему, будет просто замечательно.

— Да. Я планировал сначала заняться урожаем, а когда похолодает, чтобы мясо не портилось, начать охотиться и делать запасы. Но теперь, похоже, у меня будет меньше хлопот.

— Цю-цю-цю, цю-цю-цю, — подхватила Юань. — Если большая змея будет меняться с нами, папе не придётся так сильно уставать.

Хотя они все трое постоянно говорили, что будут помогать отцу, они были ещё слишком малы для тяжёлой работы. Вся нагрузка ложилась на Тао Цю. Им было его очень жаль, но они ничего не могли поделать. Теперь появилась Зелёная змея, которая могла бы облегчить его бремя. Вот только хватит ли у них ягод для обмена?

Этот вопрос озвучила Сюэсюэ.

— Та змейка совсем крошечная, — ответил Тао Цю, — и она хищник. Ей не нужно много ягод. Так что мы сможем себе это позволить. Но именно поэтому, даже если мы будем меняться с Зелёной змейей, много мяса мы не получим. Основные запасы всё равно придётся делать нам самим.

— Цю-цю, — разочарованно протянула Сюэсюэ. — Папа всё равно будет много работать.

Старший опустил голову, ему тоже стало грустно. Вот бы им поскорее вырасти.

Видя уныние детей, Тао Цю поспешил их утешить:

— Ну что вы, не вешайте носы. В этом мире мало кому живётся легко. У меня есть возможность выращивать еду, мне не нужно рисковать жизнью на охоте. Мне повезло больше, чем большинству мутантов. И потом, у меня есть вы. — Он с улыбкой погладил их, его взгляд стал мягким. — Счастья в моей жизни гораздо больше, чем трудностей и боли. О чём ещё можно мечтать?

Юань бросилась ему в объятия и, подняв голову, серьёзно прочирикала:

— Мы всегда будем любить папу, и папа тоже должен быть всегда счастливым.

— Конечно. Пока вы рядом, счастье всегда со мной.

Осенний ветер завывал снаружи, но в пещере, согретой любовью, было тепло, как в весенний день.

После обеденного отдыха Тао Цю решил прибраться на месте вчерашней битвы. Птенцы вызвались помочь, и он, не желая портить им настроение, с радостью взял их с собой.

За пределами долины можно было не убирать, основное поле боя располагалось у входа и сразу за ним. Склоны были засыпаны землёй и камнями, повсюду валялась гнилая редька, которую раскатала по земле Зелёная змея. Острый камень и земля вокруг были залиты засохшей змеиной кровью, создавая жуткую картину.

Тао Цю думал, что птенцы испугаются, но, в отличие от вчерашнего дня, сегодня вид поля боя вызывал у них скорее восхищение и уважение к двум могущественным созданиям. Они не хотели, чтобы отец снова дрался с большой змейей, но врождённая тяга к силе, которая была залогом выживания в этом мире, брала своё. Эти два чувства не противоречили друг другу.

А главное, вся эта кровь была не отцовской, так что причин для страха у них не было.

Убедившись, что птенцы не испытывают отвращения, Тао Цю распорядился:

— Я уберу камни, а вы пока копайте яму. Мы закопаем туда все вонючки.

Птенцы были слишком малы, чтобы таскать камни, а в птичьей облике убирать грязь из гнилой редьки было неудобно. Копать яму — единственное, что им было по силам.

Получив задание, они дождались, пока отец очертит границы ямы, и с энтузиазмом принялись за работу. Тао Цю выбрал место с рыхлой землёй, чтобы они не поранили свои маленькие лапки.

Приняв человеческий облик, он перетаскал камни к подножию скалы, а затем бамбуковым совком собрал в него грязь из гнилой редьки вместе с грязью и мелкими камушками. Это заняло немало времени. Часть редьки разлетелась слишком мелко, и собрать всё дочи́ста было невозможно. Придётся подождать, пока запах выветрится, а дождь смоет остатки в землю. Может, даже удобрит почву, ведь на прежней грядке земля от неё стала жирной и чёрной. Если бы не огромное количество и стойкий запах, а также неопрятный вид, Тао Цю и не стал бы убираться.

Птенцы, несмотря на все старания, копали медленно. В итоге Тао Цю пришлось самому доводить яму до нужной глубины. Но когда он начал сбрасывать туда гниль, они, не обращая внимания на вонь, усердно помогали.

Закончив закапывать яму, Сюэ и Юань из снежно-белых комочков превратились в серых грязнуль. Даже на угольно-чёрных перьях старшего осела пыль.

— Папа вонючий, сестрёнка вонючая, братик вонючий, и я тоже вонючий, — прочирикала Сюэсюэ, принюхиваясь и глупо хихикая.

— Что же нам делать, мы превратились в вонючих птичек, — усмехнулся Тао Цю.

— Цю! — предложила Юань. — Купаться!

— Точно! Пойдём купаться и снова станем ароматными птичками!

Тао Цю подхватил всех троих и с весёлым плеском прыгнул в пруд. Брызги разлетелись во все стороны, сверкая на солнце.

— Цю! Цю-цю!

Птенцы завизжали, но в их голосах не было страха перед водой, только восторг от совместной игры с отцом.

— Сначала помою вас, по очереди. Перья намокнут сильнее, чем обычно, не бойтесь.

Тао Цю сел на камень, отставил Сюэ и Юань в сторону и, взяв старшего, начал смывать с него пыль. Его пух почти полностью промок, но он не выказывал недовольства. Наоборот, он с наслаждением вытянул шею, и его глаза сияли, не отрываясь от отца.

Сложно было описать его чувства. Мокрые перья волновали его меньше, чем то, что сейчас всё внимание отца — его взгляд, его забота, его прикосновения — было сосредоточено только на нём одном. Такое безраздельное внимание было для птенца, так сильно привязанного к отцу, самым ценным подарком. Ведь в последний раз отец так заботился только о нём, когда он только вылупился, а сёстры ещё были в яйцах.

Старший не питал неприязни к сёстрам, он любил их так же сильно, как и отца. Но в глубине души он эгоистично желал получить больше отцовского внимания, предназначенного только ему одному.

Об этих мыслях он, конечно, никогда никому не расскажет.

Тао Цю не догадывался о буре мыслей в голове старшего сына. Он видел лишь, как тот с обожанием смотрит на него, и его сердце таяло. Прежде чем поставить его на камень сушиться, он наклонился и поцеловал его.

— Какой ты послушный, — в его бледно-зелёных глазах заплясали искорки, словно отблески отцовской любви, согревая старшего теплее, чем солнце.

Старший в ответ легонько клюнул его в руку, выражая свою привязанность. Тао Цю снова потрепал его по голове и принялся за Сюэ.

В отличие от молчаливого брата, Сюэсюэ не умолкала ни на секунду. Вскоре в ушах Тао Цю стоял лишь её весёлый щебет.

— Папа, я тоже очень послушная.

— Папа, я совсем не боюсь купаться, правда, я смелая?

— Папа, помой мне крылышко, мне кажется, оно самое вонючее.

— Папа, а что у нас на ужин?

— Папа...

— Папа...

— Па... то есть, Сюэсюэ, постой и встряхнись, так перья быстрее высохнут.

Тао Цю столько раз услышал слово «папа», что чуть было сам не назвал её так, нарушив всю семейную иерархию. К счастью, птенцы, кажется, ничего не заметили.

— Цю-цю!

Сюэсюэ так энергично встряхнулась с головы до хвоста, что брызги полетели во все стороны. Старший, уже начавший сохнуть, предусмотрительно отодвинулся. От усердия она не удержалась на ногах и чуть не шлёпнулась, но Тао Цю вовремя её подхватил.

Её пух встал дыбом, превратив её в растрёпанного воробушка. Тао Цю не сдержал смеха. Сюэ, ещё не пришедшая в себя от головокружения, не поняла, что отец смеётся над ней, и тоже весело зачирикала.

Попросив старшего присмотреть за сестрой, Тао Цю принялся мыть Тао Юань. Та послушно поднимала лапки и крылышки, не сводя с отца своих влажных глаз.

— Папа красивый? — поддразнил её Тао Цю.

— Цю! — радостно ответила Юань. — Самый красивый!

Тао Цю просиял.

Вымыв всех троих, он принялся за себя. Намыливаясь, он напевал:

— Я люблю купаться, кожа будет гладкой, о-о-о! Надену шапочку, буду петь и танцевать, о-о-о!

Эта детская песенка с простым ритмом и запоминающейся мелодией так понравилась птенцам, что они, подхватив мотив, начали подпевать на свой птичий манер. Весь пруд превратился в их личный концертный зал, где они были и звёздами, и зрителями.

Пух у птенцов и густые, длинные волосы Тао Цю сохли долго. Они пролежали на камнях до самого вечера. К счастью, осеннее солнце было тёплым, но не жгучим, иначе они бы точно превратились в угольки.

Однажды, отправившись на обход территории, Тао Цю увидел Чёрного кролика. Тот, только что

пообедав, лежал у останков своей добычи и, переваривая пищу, вылизывал лапы. Вспомнив, что кролик предупредил его об опасности, Тао Цю подошёл и ещё раз поблагодарил его.

Чёрный кролик смерил его с ног до головы тёмным, непроницаемым взглядом и с непонятной интонацией прорычал:

— Не знал, что ты стал таким сильным. Та Зелёная змея уползла вся в ранах, а на тебе, смотрю, ни пёрышка не помялось.

Все в округе знали, какой сильной была Зелёная змея. Чёрный кролик, считая, что Снежная птица ей не ровня, пришёл его предупредить, чтобы тот был готов к обороне. Он никак не ожидал, что победителем выйдет Снежная птица.

В ту ночь за их битвой наблюдал не только он один, и не только он был удивлён. Но задать вопрос осмелился лишь он. Впрочем, к Зелёной змее он бы соваться не стал.

— Это всё благодаря тебе, — с улыбкой ответил Тао Цю. — Я был предупреждён, поэтому смог применить кое-какие хитрости и одержать победу. Если бы пришлось драться в открытую, я бы, конечно, не справился.

— Р-р-р? — прямо спросил Чёрный кролик. — Какие хитрости?

— Помнишь те вонючие земные плоды, что я выкопал на твоей территории? — начал Тао Цю заранее заготовленный рассказ. — Я их дорастил. И когда Зелёная змея напала, я, улучив момент, швырнул один ей в глаз. Она ослепла, а от вони у неё закружилась голова. Вот тогда я и смог её победить.

— Р-р-р? — с сомнением переспросил Чёрный кролик. — Правда?

Битвы мутантов всё ещё сводились к грубой силе, никто и не думал использовать подручные средства.

— Цю! Цю-цю, цю-цю! — Тао Цю не врал, поэтому говорил уверенно. — Правда! Если сможешь вытерпеть этот запах, можешь сам попробовать!

Чёрный кролик не сказал, поверил он или нет, и задал следующий вопрос:

— Р-р-р?

— А зачем Зелёная змея вообще к тебе пришла?

Все знали характер змеи. Если бы не что-то очень важное, она бы не стала без причины ввязываться в смертельную схватку.

На этот раз Тао Цю ответил уклончиво:

— Цю-цю, цю-цю-цю.

— Это тебе лучше у неё спросить. Она ко мне пришла, а не я к ней.

Чёрный кролик понял, что Снежная птица не хочет отвечать, и не стал настаивать. Он лениво зевнул и сказал, что пойдёт домой спать.

Уходя, он многозначительно бросил:

— Р-р-р.

— Ты становишься всё умнее. Похоже, тот плод и вправду хорошая штука.

Тао Цю на мгновение замер. Он понял, что кролик догадался, что визит змеи был связан с тем самым плодом. Но раз уж тот не стал говорить прямо, Тао Цю тоже решил притвориться дурачком. Он попрощался с кроликом и пошёл своей дорогой.

Вернувшись в пещеру и увидев, как птенцы весело гоняются друг за другом, он невольно нахмурился.

Как долго он сможет скрывать существование детей и тайну плода? И когда всё раскроется, сможет ли он справиться с последствиями?

Тао Цю тяжело вздохнул.

— Цю?

Юань заметила, что у отца что-то не так с настроением, и, подбежав на своих коротеньких ножках, с беспокойством склонила голову набок.

— Папа, что случилось?

Её голос привлёк внимание остальных. Они тут же подлетели к отцу.

— Цю-цю? — спросил старший. — Папа, ты плохо себя чувствуешь?

— Цю-цю? — добавила Сюэсюэ. — Или у тебя плохое настроение?

Встретившись с их обеспокоенными взглядами, Тао Цю почувствовал, как напряжение отступает, и на его лице появилась улыбка.

— Я просто задумался кое о чём. Но пока не могу вам рассказать.

Раз отец не хотел говорить, птенцы не стали настаивать. Они просто перестали играть и остались рядом, щебеча о всяких пустяках и иногда напевая песенки.

Они не успокоились, пока морщинка на лбу отца окончательно не разгладилась.

Прошла ещё неделя. Приближался ноябрь. Утром и вечером было уже по-зимнему холодно, и лишь в полдень ещё проглядывало солнце, но и оно уже не грело.

Редька и груши созрели, и в ближайшие дни можно было собирать урожай. Тао Цю как раз собирался подготовить место для хранения: выложить его камнями и сухими ветками, чтобы защитить от влаги и грязи. Но в самый разгар работы явилась Зелёная змея.

Она пришла не одна, а притащила с собой несколько туш.

Тао Цю был удивлён. Рана, которую змея получила, ударившись о камень, была очень серьёзной. Именно поэтому он поверил в искренность её чувств к ребёнку и согласился на обмен. Он думал, что ей понадобится больше времени на восстановление, но она пришла так скоро. Неудивительно, что Чёрный кролик её боится, её сила и вправду была поразительной.

Зелёная змея не скрывала своего присутствия. Тао Цю почувствовал её приближение почти одновременно с Юань. Но поскольку он уже объяснил детям их новые отношения, Юань не испугалась. Она подняла голову и спросила:

— Цю-цю?

— Большая змея принесла мясо?

Старший и Сюэ были не такими чуткими, как отец и сестра, и узнали о гостье только сейчас.

— Цю-цю? — спросила Сюэсюэ. — Можно нам пойти посмотреть?

— Конечно, только не выходите из долины.

Возможно, из уважения к Тао Цю, Зелёная змея оставила добычу у самого входа в долину. Когда она не дралась, она была на удивление деликатной и заботливой.

Когда Тао Цю подошёл, она рассматривала место их недавней битвы. Увидев, что всё уже прибрано, она как-то странно дёрнулась, о чём-то задумавшись.

Оставив пленцов в долине, Тао Цю принял птичий облик и вышел к ней. Он посмотрел на добычу, затем на всё ещё ужасающие, хоть и покрытые корочкой, раны змеи и искренне сказал:

— Цю, цю-цю-цю.

— Не стоило так торопиться. Могла бы прийти, когда раны заживут.

— С-с-с, — прошипела змея. — Пустяки. Поймать пару зверьков для меня не проблема. Сегодня я принесла три туши, остальных принесу позже. Пока не так холодно, если принести всё сразу, вы не успеете съесть, и мясо испортится.

Тао Цю кивнул. Вспомнив о плачущей змейке, он спросил:

— Цю-цю?

— Как твоя малышка?

При упоминании о ребёнке вся холодность змеи исчезла, и она вся как-то смягчилась.

— С-с... с-с...

— Её состояние стабилизировалось. Все эти дни она ела красные ягодки, что ты дал.

— Цю-цю, цю-цю-цю? — любопытно спросил Тао Цю. — Вы же хищники, как вы едите растительную пищу?

Зелёная змея посмотрела на него с некоторым смущением и долго шипела:

— Когда я в первый раз украли ту красную ягодку, я почувствовала приятный запах и попробовала кусочек. Вкус был неплохой, но ничего особенного я не ощутила. А вот малышка была от неё в восторге. Она до этого даже мясо есть не могла, а тут съела сразу пол-ягодки и сказала, что ей стало лучше. И в последующие дни её состояние действительно улучшалось.

Слушая её, Тао Цю невольно скривился. Маленькая змейка, полумёртвая, съела выращенную им ягодку, набралась сил и приползла на него нападать. Чем не басня про крестьянина и змею?

Заметив его обиженный взгляд, Зелёная змея догадалась, о чём он подумал, и, смутившись, попыталась оправдаться:

— С-с...

— Я не знала, что она поползла за мной.

Тао Цю промолчал. Вот это да! У змейки хватило сил не только проползти такое расстояние, но и напасть на него. Какую же силу дал ей этот помидор! Обида стала ещё сильнее.

Чувствуя, что её оправдания делают только хуже, и боясь, что Тао Цю возненавидит её дочь и перестанет меняться с ними, Зелёная змея поспешила взять всю вину на себя:

— Это я послала её украсть ягодку, и я дала ей её съесть. Если хочешь, вини меня, ругай, бей, только оставь мне жизнь и продолжай меняться со мной, чтобы я могла вырастить свою малышку.

Видя её отчаяние, Тао Цю поспешил успокоить:

— Цю, цю-цю, цю-цю-цю.

— Не волнуйся, я не виню ни тебя, ни твою дочь, и, конечно, не перестану с вами меняться.

Зелёная змея с облегчением выдохнула. То ли желая вызвать сочувствие, то ли просто выговориться, она продолжила свой рассказ:

— Снежная птица, мы обе тебе очень благодарны. За свою жизнь я отложила много кладок, но вылуплялось мало детёнышей. А те, что вылуплялись, всё равно вскоре умирали. Малышка — последняя, кто у меня остался. Я отдавала все силы, чтобы вырастить её, боясь, что если со мной что-то случится, она не выживет. Поэтому я и не стала ввязываться в драку за тот плод. Но малышка всё равно не выдержала, недавно она уже почти не дышала. Я сходила с ума в поисках спасения, но всё было тщетно. И тогда, в полном отчаянии, я пришла к тебе воровать. Я не ожидала, что это действительно её спасёт.

Её слова напомнили Тао Цю то, что сказал ему Чёрный кролик: «Там в последнее время очень шумно». Теперь, связав это с её словами «сходила с ума в поисках спасения», нетрудно было представить, насколько отчаянной была ситуация.

Выговорившись, Зелёная змея осторожно спросила:

— С-с...

— Ты будешь и дальше выращивать эти растения?

— Цю, цю-цю-цю, — подумав, ответил Тао Цю. — Буду. Моим детям тоже нужны эти ягодки.

Он не стал говорить, что в основном они нужны ему самому. Признаться в этом — всё равно что добровольно подставить себя под удар.

Зелёная змея сказала, что, попробовав ягодку, не почувствовала ничего, кроме приятного вкуса. Если она не солгала, то это было очень интересно. То ли ягодка на неё подействовала, но она этого не поняла, то ли для неё это действительно был просто обычный плод. Если верно второе, то, значит, ягодки действуют только на определённую группу существ. И что же в этой группе особенного? То, что они, как он, Юань и маленькая змейка, были на грани смерти? Но старший и Сюэ с самого рождения были здоровы, а ягодки на них тоже действовали.

Ответов на эти вопросы у Тао Цю пока не было, но и делиться своими догадками с Зелёной змеей он не собирался. Раскрывать свои слабости — всё равно что рыть себе могилу. Быть загадочным, конечно, неприятно, но это, по крайней мере, безопасно.

Тао Цю не любил интриги, но, хотя они с Зелёной змеей и помирились, они не были настолько близки, чтобы делиться секретами. Зелёная змея пошла на унижение, чтобы спасти своего ребёнка. У Тао Цю же не было причин поступать так же. Он не собирался использовать свой урожай, чтобы шантажировать её, но и слишком опускаться было нельзя, это могло бы избавить его от многих проблем в будущем.

Зелёная змея, казалось, была довольна его ответом.

— С-с... с-с... — с благодарностью прошипела она. — Это хорошо. Если тебе понадобится моя помощь, зови.

— Цю-цю-цю, цю-цю, цю-цю-цю, — кивнул Тао Цю. — Ягодки хоть и полезны, но не давай их малышке слишком много. Змеям нужно есть мясо. Когда закончатся, приходи, обменяемся.

Зелёная змея снова поблагодарила его.

Их разговор затянулся, и птенцы, не выдержав, высунули головы наружу. Зелёная змея, с её острым зрением, тут же заметила три круглые пушистые головки. Глядя на живых и здоровых птенцов, она ещё раз убедилась, что урожай Тао Цю — вещь ценная, и её мечта вырастить своего ребёнка больше не кажется несбыточной. Если её малышка будет постоянно есть эти ягодки, она тоже станет такой же здоровой и счастливой.

В этот момент Зелёная змея была воплощением материнской нежности. Глядя на птенцов, она вспоминала своего ребёнка и, желая показаться дружелюбной, склонила свою огромную голову и высунула в их сторону язык.

— Цю!

Картина была настолько жуткой, что птенцы, вздыбив перья, мгновенно скрылись, боясь, что если они задержатся ещё на секунду, большая змея погонится за ними.

Хотя они и знали, что она пришла не драться, и что её ребёнок умирает, и что её очень жаль, но птицы и змеи в некотором роде были естественными врагами. К тому же, они видели её в ярости, поэтому никак не могли относиться к этой огромной твари так же, как к своему отцу.

— ... — Зелёная змея смущённо посмотрела на Тао Цю. — С-с... Прости, я не хотела.

Тао Цю нашёл эту ситуацию забавной, но из вежливости не стал смеяться и великодушно ответил:

— Цю, цю-цю.

— Ничего, они у меня немного пугливые.

Добыча была доставлена, всё, что нужно, было сказано. Зелёной змее больше не было причин оставаться, и она попрощалась.

Уходя, Тао Цю сказал ей:

— Цю, цю-цю, цю-цю.

— До встречи. В следующий раз приводи свою малышку, пусть дети поиграют вместе.

Глаза Зелёной змеи загорелись.

— С-с... Хорошо.

Покинув территорию Снежной птицы, Зелёная змея снова стала холодной и непроницаемой.

Она догадывалась, что Снежная птица смогла вырастить такой урожай и выходить трёх

птенцов благодаря тому самому плоду. Она не завидовала, но и делать ничего не собиралась. Раз уж Снежная птица была готова меняться, зачем рисковать и портить с ней отношения? В будущем она будет не только не трогать его, но и защищать, как собственного ребёнка.

Ей было лишь любопытно, с кем Снежная птица снесла эти яйца, ведь другой большой птицы в долине она не видела.

Задумавшись, она вдруг остановилась. Она повернула голову в сторону леса, её взгляд стал острым и опасным. Вскоре любопытный взгляд исчез, тот, кто следил за ней, явно испугался. Зелёная змея не стала его преследовать. Вспомнив о своей малышке, она ускорила шаг.

<http://bllate.org/book/15883/1586822>